

преподнести их. Запомнился он и как работяга и уважаемый всеми жителями деревни бригадир, а после войны – еще и знаток тракторной техники. Как бывший танкист он здорово разбирался в двигателях, помогал при необходимости найти неисправность и отремонтировать, но сам за трактор почему-то никогда не садился. По-видимому, это из-за войны. Нас, послевоенных мальчишек, такое поведение Ивана очень удивляло, так как каждый из нас всегда хотел порулить какой-нибудь моторной техникой. Меня он звал уважительно только «Аким Андрева внук», и с его подачи такое мое прозвище закрепилось в деревне еще с довоенного времени.

7. ДЕТСКИЕ ГОДЫ, УЧЕБА В ШКОЛЕ И НАЧАЛО ВОЙНЫ С ГЕРМАНИЕЙ

После представлений в предыдущих разделах моих родителей и сестер, ближних и дальних родственников, а также наших соседей возвращаюсь к продолжению воспоминаний о дошкольных годах и учебе в начальной школе. Из моих детских фотографий осталась только одна – я с матерью в возрасте около шести лет осенью 1936 года. Было воскресенье, и мать собралась пойти в церковь, находящуюся в 3 километрах от нас, так как там должно быть венчание кого-то из знакомых. Я уговорил ее взять меня с собой. И тут у нашего дома встретил нас фотограф и предложил сфотографироваться, что мы и сделали. А фотографом был мой крестный – Фомин Иван Иванович, работавший в Москве и приезжавший ежегодно с семьей летом в деревню в отпуск подышать «родным воздухом». Их высокий Г-образный дом из шести или более комнат (что для крестьянских жилищ необычно) на каменном фундаменте, срубленный из толстых одинакового диаметра сосен еще до 1917 года, стоял на другом порядке деревни недалеко от нашего дома, но не в общем ряду, а на отлете, метрах в 150 от общей дороги, как говорили у нас – «на полянке». Бревна сруба снаружи и внутри были очень аккуратно оструганными, причем в комнатах предварительно все бревна были стесаны в одной вертикальной плоскости. Ни одно из бревен не имело продоль-

Я в 6 лет с матерью

ных трещин, по-видимому, бревна где-то первоначально долго держали в тени до полного их высыхания. Проконопаченные паклей пазы между бревнами были очень тонкими и малозаметными. В нескольких комнатах их стены оставались такими со времен постройки дома, то есть не окрашенными и не оклеенными обоями. В этих комнатах мне очень нравилось, так как казалось особенно светло от древесины, а воздух держался пропитанным приятным запахом сосновой смолы. Необычным для деревенских домов был длинный коридор, куда вели двери из комнат. К дому шел проулок, огороженный высоким частоколом, а вокруг дома рос неплохой сад. Недалеко был большой пруд. Этот дом походил на дом помещика Анциферова, только имел меньшие размеры. Постоянно в доме жила одна семья, а летом, кроме семьи Ивана Ивановича, изредка приезжала еще семья его брата – Михаила Ивановича Фомина. Последний раз я видел его летом 1940 года. Он был военным, имел на воротничке три шпалы (т. е. полковник), носил ряд орденов, в том числе ордена Ленина и Красного Знамени. Мой отец знал его еще с дореволюционных времен и в каждый приезд обязательно встречался с Михаилом Ивановичем; я тоже проявлял любопытство и ходил к Фоминым с отцом. Увидеть в деревне такого военного в то время да еще с орденами – было чудом. К сожалению, он погиб в самом начале войны с Германией недалеко от границы с Польшей. Отец после войны говорил, что его застрелили заброшенные к нам в тыл немецкие десантники. Якобы, это он узнал из извещения, работая еще в военкомате. Все Фомины считались дальними родственниками помещика Анциферова, о чем напоминал и их дом, а также полученное мужчинами образование, явно выше церковноприходского.

Иван Иванович имел фотоаппарат на деревянной треноге с чувствительным слоем на стеклянных пластинках размером примерно 15×21 см, в связи с чем негативы получались большими, а фотографии с них делались контактным способом и были очень четкими (узкие фотопленки и фотоувеличители тогда еще не выпускались). Я не раз наблюдал, как он перед фотографированием тщательно подбирал дальний план и продумывал расположение фотографирующихся, пересаживая и переставляя их для получения наиболее выигрышного снимка. Где-то в 1939 году семья Ивана Ивановича окончательно переехала жить в Москву, и следы их затерялись, хотя отец неоднократно пытался найти их координаты. Я думаю, что одной из причин потери связи была работа их ближней родственницы в Комиссариате (затем Министерство) иностранных дел, часто выезжающей за рубеж в наши посольства в Южной Америке. Слышал от В. П. Колганова в Москве, что она одно время работала секретарем посольства в Аргентине. Позже, когда в середине 1960-х годов я нашел через справочное бюро в Москве ее адрес и связался с ней по телефону, естественно, представившись, она дала понять, что ей не рекомендовано разговаривать и встречаться без разрешения свыше с деревенскими земляками (?) и чтобы я ей впредь не звонил. А мне очень хотелось узнать что-либо о моем крестном. Поэтому я дал московский адрес своей сестре Валентине, которая хорошо знала эту женщину по ее

приездам в деревню, и Валя написала ей в Москву несколько писем, но ответа так и не получила.

А в тот раз в церковь я все же попал и впервые увидел обряд венчания и поразившие меня крестины детей, когда им, плачущим, священник быстро закрывал пальцами одновременно глаза, рот и уши и мгновенно окунал с головой в купель с водой. После этого испугавшееся дите плакало еще громче. Мне казалось это издевательством над ребенком, о чем я и заявил матери. «Ты ведь тоже крещеный таким же образом, тоже орал и ничего плохого с тобой не произошло», – только и ответила мне она. Позже в церковь я бегал уже один или вместе с Колькой Кузиным послушать песнопения и посмотреть на службу, отпевание умерших, походить по заросшему деревьями и потому всегда затененному и сумрачному старинному, как тогда казалось, таинственному кладбищу, почитать давние и выцветшие надписи на мраморных памятниках. Во всем этом было много для меня непонятного и загадочного. Службу в этой церкви прекратили только в конце 1938 года, хотя практически все церкви в округе, как пережитки старого и противоречащие морали строительства социалистического и коммунистического общества, к этому времени давно закрыли, какие-то из них взорвали или разрушили, а часть переделали для хозяйственных нужд. Но эту церковь почему-то не использовали под склад или гараж, не разорили и не разграбили, сохранились колокола, иконостас и все иконы, росписи на стенах и куполе, а также церковные принадлежности. Она стояла запертой под присмотром жителей села. Когда же в 1942 году И. В. Сталин разрешил открыть снова церкви, то священники нашлись быстро, и в этой церкви сразу начались соответствующие церковные службы.

В период до школы и потом лучшим моим другом был мой ровесник Николай Кузин. Это был деревенский самородок, талант, изобретатель-фантазер и огромный выдумщик, любитель природы и что-либо мастерить своими руками, совершенно не унывающий человек даже в сложные и трудные годы войны. У него постоянно возникала мысль что-то сделать новое, куда-то пойти и увидеть ранее нами не замеченное. Эх, если бы не деревенские трудности, особенно в семье Кузиных, да дать Николаю хотя бы среднетехническое образование, много бы чего полезного и интересного сотворил он! Мне он очень нравился. Вместе с ним мы играли, ходили в лес и на Пру, сочиняли деревенские частушки, в том числе неприличного содержания, что было общепринято в деревне. Вместе изготавливали разного размера луки с изменяемой силой натяга тетивы и варианты стрел, участвовали в соревнованиях деревенских мальчишек на дальность полета стрел и становились не раз победителями; для дуг заранее искали в лесах и заготавливали ровные и длинные ветки орешников и сучья дубов. Затем перешли на изготовление арбалетов. Последние увлечения «оружием» – изготовление самодельных пистолетов в виде прикрепленной проволочными скрутками металлической трубки к деревянной рукоятке. С ближнего конца трубка сминалась ударами молотка и несколько раз изгибалась в плотный замок. В трубку утрамбовывалась соскобленная из двух-трех коробков спичек «сера», забивался затем

в ствол бумажный пыж, вкладывалась свинцовая картечь или крупная дробь и снова – пыж. Здесь же в стенке трубки делалась напильником небольшая сквозная прорезь для воспламенения через нее спичкой серы. Подобные пистолеты делали многие деревенские мальчишки, и регулярно проходили соревнования у пруда на дальность полета картечи. Даже после того как в результате нескольких разрывов трубок у двух сверстников были оторваны пальцы, мы продолжали совершенствовать наше оружие. Только я и Николай сообразили, что для упрочнения трубок нужно перейти от надрезов к сверлению отверстий малого диаметра. После этого разрывов трубок уже не случалось.

Ранней весной мы часто пытались первыми среди деревенских ребят искупаться где-нибудь в бурностекающих в пойму реки по оврагам ключах с еще плавающим там льдом, чтобы приоритетно во всеуслышание заявить – а мы уже купались! Ловили грязниками (снасть типа большого сачка с прямой рейкой длиной 1–1,5 м) рыбу на мелководьях, собирали утиные и других птиц яйца на полях и кочках болотах, в лесу лазили по деревьям в поисках яиц ворон, сорок, сов и дроздов, плавали по реке на лодках, пасли за трудодни колхозных телят и свиней (пройдя конкурс у предколхоза, ибо желающих ребят на такие работы было много), работали в колхозе, а став взрослее – охотились с ружьями на уток. При сборе яиц проверяли их каждый раз на свежесть, для этого мы опускали их в воду луж и низин. Свежие яйца опускаются на дно и ложатся на него боком; частично насиженные всплывают или встают вертикально. Насиженные яйца всегда возвращали в гнезда, запоминали по приметам места и потом приходили смотреть на птенцов. Помню, обнаружив как-то в лесу на высокой густой ели гнездо, я полез на дерево. Добравшись до гнезда, никак не мог найти в него вход, ибо оно было большим и с крышей из сучьев. Мы, конечно, знали, что крышу всегда делают только сороки и совы, правда, совы обычно занимают прошлогодние или новые гнезда сорок. Я крикнул Николаю, что это гнездо сорочье, и сунул руку внутрь, нащупав там шевелящихся существ, о чем немедленно сообщил вниз приятелю. Тот попросил вынуть одного птенца и посмотреть. Я действительно вытащил какое-то голое существо и удивился, не увидев у него клюва, а только четыре лапки. «Какой-то крысенок!» – крикнул я. И тут до меня дошло, что это бельчонок, так как до этого мы уже находили бельчат в сорочьих гнездах. «Бельчата!» – опять сообщил я вниз и начал засовывать детеныша в гнездо, потому что беличьи жилища мы никогда не разоряли и в белок не стреляли из ружей. И вдруг у меня все померкло в глазах. Мои руки отцепились от сучьев, и я, ничего не видя и не соображая, с диким воплем начал падать вниз как мешок, а на лице у меня что-то висело. Я скатился вниз по веткам, затормозившим мой полет, и шмякнулся на покрытую мхом и иглами мокрую землю. Хорошо еще, что на месте падения отсутствовали пеньки и сухие сучья. По лицу у меня текла кровь, но боли я не чувствовал, то есть руки и ноги были целы. Когда я отмыл в луже лицо, Николай рассказал, что это белка вцепилась в меня когтями, спасая своих детенышей, и висела она на мне почти до самой земли. И действительно, над глазами и на

щеках у меня потом долго заживали следы когтей этой небольшой, но смелой и отчаянной зверюги, бросившейся так защищать свое потомство. Хорошо, что она не выколола мне глаза.

Я научил Николая монтировать и настраивать детекторные радиоприемники, и он очень увлекся этим ремеслом, сделав несколько приемников. Мы протянули по деревьям между нашими домами изолированный провод, скрученный из многих кусков, и, подключив к нему в домах электромагнитные наушники и используя в качестве второго провода заземления в домах, осуществили первую в деревне телефонную связь. До этого мы дошли экспериментальным путем сами. Тогда я не знал, как это без микрофонов и усилителей образуются и передаются звуковые сигналы. Только позже я понял, что, говоря в наушник, я заставляю давлением звука колебаться стальную мембрану наушника, а она, изменяя со звуковой частотой магнитное поле сердечника с постоянным магнитом на нем, изменяет индукцию поля, которая возбуждает в намотанной на магнит катушке переменное напряжение и ток той же частоты. Это напряжение передается по проводу и через землю в катушку другого такого же наушника, подключенного к проводу на втором его конце, в котором мембрана начинает колебаться и воспроизводить звук. Так как по такой линии вызвать абонента слышимым звуком было нельзя из-за его слабости, то мы договаривались между собой на улице, в какое время у нас состоится сеанс связи с обсуждением всякой ерунды. Николай закончил всего 4 класса и далее учиться не мог по ряду трудных семейных материальных обстоятельств. Он стал помогать дома и работать в колхозе. Когда я приезжал на каникулы, то мы ходили с ним несколько раз к моему отцу на Радовицкий мох, плавали на лодках по Пре, рыбачили на реке и озерах Беленьком, Ютнице и Черном, охотились в лесах и на болотах, главным образом на уток. Однако тяга к учебе у Николая осталась; уехав из деревни, он все же получил свидетельство о неполном среднем образовании, после чего закончил ремесленное училище и стал классным специалистом по электро- и газосварке, работая на подмосковных предприятиях. Где-то с 1968 года он жил в Протвино и работал в Институте физики высоких энергий, участвуя в создании ускорителей заряженных частиц и других установок и оборудования. Бывая в командировках в Москве, я заезжал к нему, иногда с ночевкой. Жил он с женой в хорошей двухкомнатной квартире, и, судя по обстановке, был отличным хозяином. Единственный их сын жил с семьей отдельно там же – в Протвино. Николай имел

Я с Н. Ф. Кузиным (стоит слева) в Протвино

машину, дачу и любил огородничать и рыбачить. У него имелся первоклассный самогонный аппарат, в который он превратил дистиллятор, выпускаемый после развала СССР по конверсии в их институте. Николай осуществлял сварочные соединения деталей в таких аппаратах. Самогон он готовил превосходный, тщательно очищал его и добавлял какие-то травы. Я с удовольствием пробовал это ароматное снадобье, несколько раз Николай снабжал меня им в дорогу. Очень жалею, что не взял я тогда у него один из налаженных «дистилляторов», который Николай неоднократно предлагал мне, хотя бы как память о друге. К глубочайшему сожалению Николай в 1999 году скорострительно скончался; его обнаружили мертвым на даче, в руках с гармонью, играть на которой он очень любил и был виртуозом в этом деле. Колька, Колька! Как же мне тебя не хватает! Ты так крепко, запал в мою душу, что до сих пор снишься мне в разных деревенских ситуациях! На фотографии я запечатлен вместе с ним в нашу последнюю встречу в 1999 году в Протвино.

Было, конечно, и еще несколько деревенских ребят-сверстников, с которыми я дружно общался. Это – Анатолий Митрохин, Мишка Фролов, Витька Митрохин (его почему-то звали Чугунов) и другие. Особо хочется отметить Славу Дмитриева, который был старше меня на 3 года (а в деревне это много значило), но он почему-то из всех ребят выделял меня и приглашал участвовать в каких-либо задуманных им делах. Чаще всего это были плавания на их легкой и потому быстроходной лодке. На лодке Слава хорошо изучил Пру и ее широкие и длинные водоемы на расстоянии около 10 километров в обе стороны от нашей деревни. Особенно это касалось начинающегося от нас на расстоянии 3 километров Мартынова озера длиной около 5 км и шириной до 2 км с обилием протоков, заводей и островов. Слава знал здесь ряд островков, на которых гнездились особенно много уток, куликов и чибисов, чьи повадки он изучил. Поэтому сбор с ним яиц весной в гнездах всегда был продуктивным и служил дополнительным подспорьем в нашем пропитании, особенно в годы войны. Знал он и пути к заросшим камышом и другими водяными растениями заводям, где мы добывали из воды «плоды» и корни съедобных растений. Очень вкусными были круглые, достигающие размера куриного яйца, семенники белых водяных лилий (правильное их название «кувшинки белые»). После цветения и опадания лепестков нижняя часть каждого цветка опускается на длинном закрученном стебле на дно заводей, где продолжает некоторое время развиваться и увеличиваться в диаметре. Чтобы достать такие плоды, надо веслом поднять (а иногда и нырнуть за ними) со дна эти «пружины», на концах которых и находились в толстой кожуре семенники (у нас их называли кулаками). Под кожурой находилось много мелких красных или черных (у спелого плода) сравнительно мягких зерен, при разжевывании которых вместе с соединяющей их мякотью образовывалась приятная на вкус густая желеподобная масса. Она была очень калорийной, и, съев 5–7 кулаков, я чувствовал себя сытым почти целый день. Кулаки как пища сильно выручали нас в голодные годы войны, особенно ребятню. Еще мы выдергивали весной с лодки

со дна заливов кугу (так у нас называли это растение, а правильного его названия я не знаю) вместе с ее белыми нижними частями, похожими на стебли лука порея. Растет она кустами, стебли ее, круглые, толщиной до 2 сантиметров выступают над поверхностью воды до полутора метров. Нижние части этих растений мы отрезали ножом, вязали в пучки и привозили домой, где все подсаживались к пучкам, как к семечкам подсолнуха, снимали несколько слоев тонкой травянистой прозрачной кожи с поверхности каждого стебля и ели хрустящую, сочную, слегка сладковатую сердцевину, пока куга не кончалась. К сожалению, добывать кугу можно было только в течение примерно 10 дней, после чего съедобные ее части деревенели и теряли сладость.

Знал Слава и большое число мест, которые весной заливались водой при разливе Пры, а летом оставшиеся здесь низины с рыбой постепенно мелели и наконец пересыхали. Чтобы быстро и легко наловить свежей рыбы, важно было попасть туда до полного высыхания воды, что Слава каким-то образом всегда угадывал. Когда мы выходили из лодки на берег и шли по направлению к такому месту, то он смотрел сначала, кружат ли над низиной вороны. Если нет, то можно не ходить, так как или вода в низине еще слишком глубокая, или, наоборот, она уже пересохла и рыбу птицы расклевали и растащили. Если они летали, то, значит, вороны ловят в мелкой воде рыбу, ну и мы обязательно будем с добычей. И действительно, ее оказывалось много, особенно, щурят. Сачок или грязник мы для ловли не брали, так как стоило босыми ногами сильно взмутить воду (а в таких болотинах всегда оседали на дно мелкодисперсные ил и грязь), как рыбины начинали плавать по верху воды, хватая воздух. Поэтому мы, разувшись и сняв штаны, вставляли в воду и выхватывали из нее в сумки медленно проплывающие рыбины. Обычно улов составлял в одной низинке до 10 килограммов. Несколько раз за добычей мы плавали за 10 километров на Ивановское озеро, а также более близкие озера Мартыново и Сокорево. Позже Вячеслав женился на москвичке и, не вписавшись в суету большого города, стал рваться назад в деревню, а семья этого не хотела, и в результате неурядиц и нервозности он покончил с собой.

Во время войны в деревне было много эвакуированных. Часто можно было видеть, как на мелководье реки они собирали ракушки-беззубки (двустворчатые моллюски семейства перловиц; у нас их называли еще мидиями, но это неправильно, так как мидии – это вид морских моллюсков) и ели их вареными; этих моллюсков водилось на отмелях очень много, так как никто до этого у нас их не добывал (позже я прочитал в энциклопедии, что они употребляются в пищу). Я же во время войны делал по просьбе матери из створок мидий пуговицы разного диаметра. Края кусочков от расколотой створки обтачивал напильником до нужного диаметра и в центре аккуратно пробивал гвоздем с острым концом две или четыре дырочки для пропускания ниток. Получалось неплохо. Наши деревенские раньше никогда беззубок не пробовали есть, однако, посмотревшись на эвакуированных, некоторые стали изредка употреблять их в пищу. Я тоже несколько раз пробовал, и мне они показались съедобными. Надо только преодо-

леть некоторую брезгливость. В пищу шли не только мидии, но и воробьи. Один очень пожилой старичок, тоже из эвакуированных и задержавшийся у нас в деревне до конца войны, привез с собой старинное шомпольное ружье (почему-то эту реликвию у него не отобрали). Зарядив его мелкой дробью, он выходил на улицу и смотрел, где на деревьях слетелось много воробьев. Подойдя к такой стае, он тщательно выбирал позицию и стрелял по дичи, убивая единым выстрелом 10 и более пернатых. Количество сбитых птиц являлось очень важным, так как порох и дробь в войну являлись дефицитом. Я проявлял любопытство к его последующим действиям над воробьями и с разрешения охотника заходил в дом. Старик растапливал быстро тонкими поленьями русскую печь, насаживал каждого воробья на острие уже имевшихся у него для этого и регулярно используемых кусков стальной проволоки и помещал птичку в пламя, чтобы опалить все перья и пух. Затем всех так подготовленных воробьев, не потроша, клал в чугунок с небольшим количеством воды и варил на пару. Через определенное время вынимал чугунок, сливал отвар, остужал немного тушки и начинал с удовольствием обсасывать косточки. Он говорил, что «воробьячье» мясо очень вкусное и полезное, и удивлялся, почему не едят такую дичь у нас селяне. Предлагал несколько раз попробовать и мне, но я так и не сподобился.

Помню еще один вид добычи рыбы во времена детства. До войны это был как бы спорт, а во время ее – это уже являлось промыслом. Бегать поздней осенью и зимой на коньках по льду я научился уже в 6 лет, причем привязывал коньки-снегоурки к валенкам сам. Такие коньки прикреплялись веревками, затягиваемыми у каблука перекручиванием их вращением самого конька, а со стороны носка – с использованием круглых палочек длиной около 15 сантиметров. Зимы в те времена начинались всегда с медленного похолодания и постепенного нарастания морозов при отсутствии снега. Когда лед на реке замерзал и становился крепким, то обычно до выпадения снега и покрытия им льда проходило не менее 20 дней. Вот в этот период чистого льда и начиналась наша любительская добыча рыбы. Прикрепив к сапогам коньки на берегу реки и взяв в руки специально для этого изготовленный деревянный тяжелый молоток на длинной ручке (у нас такую снасть называли «колдаш»), я катил по льду к известным мне заводям с длинными отмелями. Сюда рыба обычно выходит для добычи. Кроме того, как и все подводные живые существа, рыба тоже любит погреться, а может быть, и позагорать в лучах солнца. Поэтому в яркий солнечный день стараются рыбины, особенно щуки, плотва, язи, выплыть на самое мелкое место и боком залечь впритирку между дном и нижней поверхностью льда. (Упомянув в шутку насчет загара рыб, я, тем не менее, нигде не читал про такое их поведение. Даже много позже в капитальных книгах российского зоолога и натуралиста Л. Б. Сабанеева [7] не говорится об этом. В то же время я и все наши добытчики наблюдали при солнце ежедневно в течение многих лет такое поведение рыб в начале зимы.) Блестящая чешуя рыб видна через лед издали, поэтому я медленно подбирался к лежке рыбы и ударял над рыбой по льду колдашом. Даже если лед

не прошибешь насквозь, все равно это эквивалентно в какой-то мере глушению рыбы взрывчаткой, когда ударная волна через лед по воде достигает рыбу и бьет ее. Особенно чувствительны к глушению щуки. По карасю, окуню, линю нужно бить несколько раз, так как они после первого удара отскакивают примерно на полметра и остаются в нормальном положении. После второго удара рыба снова отпрыгивает и только после третьего удара она или переворачивается брюхом вверх, или остается неподвижной на месте. Тогда пробиваешь насквозь несколькими ударами колдаша лед, снимаешь варежку, вынимаешь руку из рукавов верхней одежды, закатываешь как можно выше рукава пиджака и рубашки, ложишься на лед и голой рукой вытаскиваешь из воды за жабры добычу. А при большой глубине иногда приходилось снимать и рубашку, чтобы, вынимая рыбинку, не замочить рукава. Хотя все равно одежда намокала, так как руку ничем не вытираешь, а быстренько засовываешь ее опять в рукава, спасаясь от мороза, да и охотничий азарт не позволял тратить на эту процедуру время. Обычно улов составлял около 2–4 килограмм, но однажды я наглушил рыбы около 12 кг и еле приволок ее домой, так как был обвешан несколькими куканами с болтающейся добычей. Окончание ловли обычно определялось степенью мокроты и промерзания рукавов одежды. Но я не помню, чтобы кто-то по этой причине простыл или заболел.

В принципе некоторые глушили рыбу и без коньков, но, бегая на них, во-первых, ты получаешь удовольствие, во-вторых, быстрее добираться до известных тебе отмелей, пока другие добытки не распугали здесь рыбу, в-третьих, резвее объезжаешь нужные тебе места и, в-четвертых, если находишься далеко, то скорее возвращаешься домой.

Очень редко, но бывало, что лед по ряду причин замерзал непрозрачным. Тогда, естественно, о глушении рыбы речь не шла, зато можно было с ребятами (10–15 человек) убежать на коньках по реке за 15–20 километров от деревни, чтобы посмотреть окрестности реки и расположенные по берегам селения, так как пешком туда никогда не выберешься. Были и случаи хулиганства. Если вдруг попадались одинокие конькобежцы или небольшие группы катающихся, то мы у них обрезали ножами веревки на обуви и забирали коньки как добычу с собой. Я не помню, чтобы кто-то пытался найти обидчиков и расследовать такие события. По-видимому, не было понятно, откуда появилась ватага ледовых разбойников и где их искать. А скорее всего, никто и не заявлял об этом в милицию. Коньки типа снегурки или гааги не являлись дефицитом. Промышленность выпускала их в большом количестве. Но ботинки с приклепанными коньками являлись до войны редкостью. Я лично на реке встретил всего двух или трех взрослых конькобежцев в таких ботинках и смотрел на них с завистью.

Еще до школы я уже знал грамоту и перечитал немало детских книг дома и у знакомых, пересказывая потом их содержание сверстникам, нередко со своими фантазиями и добавлениями. Освоение мною грамоты связано в значительной мере с тем, что раньше меня начали учиться сестры, и, когда они дома готовили

уроки, я обычно сидел рядом с ними за столом, смотрел им в рот, постигая что-то и всегда учил вместе с ними наизусть стихотворения. Мне также врезалась в память книга, красочное изложение содержания которой я и мои сестры прослушали в течение трех вечеров из уст одного механика. Мы выпросили у него эту книгу, и я с сестрами по очереди еще раз перечитал ее, она действительно написана интригующе и захватывающе. А механик, оказалось, жил у нас вот почему. Машинно-тракторная станция (МТС), трактора которой использовались колхозами для обработки земель, располагалась в районном центре, а механизаторов размещали на проживание в частных домах обычно на срок до 15 дней с начислением им трудодней и выдачей продуктов питания. Такое проживание для колхозников было выгодным, и от него никто не отказывался. И вот одного такого механика – специалиста по ремонту тракторов – председатель колхоза определил на постой в нашем доме. В книге шла речь о молодом богатом помещике, поместье которого находилось около Санкт-Петербурга и который потому часто приезжал в столицу со своим слугой, кутил, гулял, попадал в невероятные истории, проникал через дымоходы на балы или званые вечера, куда он не приглашался. Однажды он похитил понравившуюся ему дочь очень знатного при царском дворе сановника, увез ее за город и уговаривал выйти за него замуж. Затем пропавшую девицу разыскали, гуляку судили, но нашлись высокопоставленные заступники, и его отправили не в ссылку в Сибирь, а на отплывающем корабле в Южную Америку. В океане матросы подняли бунт на судне и выбросили за борт капитана и весь командный состав. Но так как кораблем управлять толком не умели, то сами попали в кораблекрушение, в результате которого нашего героя вынесло одного на берег. А там большое туземное племя ждало какую-то мессию с неба, и потому этого белого посчитали таковым и сделали своим вождем. Здесь с ним опять произошло много разных приключений, но он хотел вернуться в Россию. Поэтому тайно сделал большой плот и уплыл на нем в море. Там его подобрало случайно проходившее судно и высадило в Северной Америке. Опять последовала серия невероятных событий, после чего он добрался до Англии, а из нее – до Санкт-Петербурга. Началась война с французами в 1812 году, и наш герой участвовал в ней. Он был командиром партизанского отряда. После войны он разыскал все-таки упомянутую выше красавицу и женился на ней. Книга эта была издана в царское время на хорошей лощеной бумаге, но была сильно потрепанной и затертой, без корочек и первых страниц. Я перечитал ее три раза и потом многократно пересказывал в школе и техникуме. Но никто о такой книге не слышал. Работая в Москве, я пытался в ленинской библиотеке узнать ее автора и название. Одна из пожилых библиотекарей сказала мне, что она слышала о такой книге и что название ее якобы «Русский-американец», а автором является кто-то из Толстых. Мне до сих пор кажется, что, будучи изданной в наше время, она стала бы одним из увлекательнейших бестселлеров.

В начальную школу принимали тогда детей в возрасте 9 лет, но меня взяли в 1938 году несколько ранее, по настоянию отца. Школа располагалась примерно

в двух километрах от нас в соседней деревне Чебукино. Учился я легко и с удовольствием. Учила в первом классе нас молодая привлекательная Мария Ивановна. В первый же день запомнился такой эпизод. Она рассказала о себе, чему нас будет обучать, какой будет режим дня и т. д. А имя и отчество свое не назвала, забыла. Затем по журналу начала знакомиться с нами. После этого спросила, кто знает буквы и кто умеет читать и писать. А чернильницы-непроливайки тогда вставлялись в цилиндрическое углубление в середине парты, и чернила в них должна была наливать учительница или дежурный по классу. На одной из парт чернил не оказалось, и потому девочка подняла руку, как требовалось по только что узnanным правилам. Но учительница почему-то долго не обращала внимание на нее. Тогда девочка поднялась за партой и громко с обидой произнесла: «Эй, ты! А у нас тут нет чернил!» Учительница с недоумением посмотрела на девочку, а потом не удержалась и разразилась звонким смехом, рассмешив так весь класс. Затем она извинилась, налила чернила, сказала, как ее зовут, и больше связанных с ней каких-либо особо забавных ситуаций не было. После первого класса эта учительница перешла в другую школу, а нашей «училкой» на последующие три года стала Мария Ивановна (Попкова), уже очень опытная и со стажем. Мне она сразу понравилась хотя бы тем, что, когда знакомилась с каждым из нас, аккуратно расспрашивала о личных интересах, родителях, братьях и сестрах. Узнав, что я уже перечитал все забавные книги из школьной библиотеки, пригласила прийти к ней домой в соседнюю деревню Большая Матвеевка. У нее было много книг в личной библиотеке, и она разрешила мне брать любые из них, что я и делал в течение последующих трех лет. У Марии Ивановны был фотоаппарат. Сохранилась одна фотография, где представлена часть учеников третьего класса. А от четвертого класса осталась в памяти такая смешная ситуация. Задали нам выучить наизусть стихотворение В. В. Маяковского «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче». Там речь идет о том, что поэт, будучи на даче, обратился к солнышку, что ты там одно на небе, иди сюда, станем вместе пить чай. И вдруг...

*«...Что я наделал, я погиб! Ко мне по доброй воле
Само, расправив луч-шаги, шагает солнце в поле!
Хочу испуг не показать – и ретируюсь задом...»*

В школе на следующий день учительница вызвала к доске Тоню Тараканову прочитать это стихотворение с выражением. Ученица вместо последней строки, не зная французского слова «ретируюсь» и неправильно прочитав и выучив его, очень четко произнесла

«...Хочу испуг не показать – и тренируюсь задом...»,

сделав при этом несколько соответствующих движений задней частью тела. «Что? Что? Повтори!» – резко остановила девочку учительница. Та, решив, что это все очень понравилось учительнице, смело все повторила. На мгновение воцарилась тишина, а потом вдруг учительница просто залилась хохотом. За ней

Ученики третьего класса (я – крайний справа сверху, Миша (родственник) – справа внизу)

дружным хохотом ударили все остальные ученики. Услышав такой шум, в класс вбежала директор школы Анна Ивановна Козлова. Надо было видеть выражение ее лица, резко меняющееся от непонимания небывалой ситуации: хохочущая и вся в слезах учительница, стоящая у доски испуганная и ничего не понимающая девочка, которой казалось, что она сделала все отлично, и стонущие от смеха ученики класса! И только на другой день учительница сказала: «Ну и здорово же ты, Тоня, поправила великого русского поэта Владимира Маяковского. Был бы он жив, мы бы написали ему, что надо меньше ретироваться, а больше тренироваться», – после чего объяснила значение слова «ретируюсь».

Окончил я начальную школу в 1942 году, получив отличные отметки по русскому языку, арифметике, естествознанию, географии, истории и рисованию, а хорошие – по пению и физкультуре. Почему осталось свидетельство об оконча-

нии начальной школы и его не забрали при зачислении меня в другую школу в 5-й класс, я не знаю. Затем я год не учился. Шла кровопролитная война с фашистами, наши войска продолжали в основном отступать, сдавая деревни, села и города, и надо было работать в колхозе.

8. ВОЙНА, РАБОТА В КОЛХОЗЕ И УЧЕБА В НЕПОЛНОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Некоторые события военных лет я уже описал по ходу представления соответствующего материала, если логично было отразить их именно там. Здесь же дополнительно изложу кое-что, связанное в основном со мной и кажущееся мне существенным.

О внезапном нападении Германии на СССР узнали в деревне только вечером 22 июня 1941 года, когда бригады обошли все дома и попросили колхозников спешно собраться у правления. Приехавший из района представитель рассказал о вероломстве немцев, которые внезапно перешли нашу границу, несмотря на существующий мирный договор, стали обстреливать и теснить пограничные